
6 кругозор 71

На берег реки вывели на расстрел вожака народного восстания. На осенний рыжий берег Грузии 1919 года. На высоком берегу стоял большевик Моисей Сирадзе, глядел, как плыли в воде багряные отражения осенних кустов, и думал, что вот сейчас там всплывет еще одно алое пятно — его крови. Но прежде чем грянул выстрел, Сирадзе ринулся вниз, в воду. На холодной глубине он сбросил сапоги, стянутые кандалами, и выплыл.
И второй раз он выплыл.
Когда в годы Отечественной переплывал Керченский пролив под навесным огнем гитлеровской артиллерии.
Эти истории достались Вике по двойному праву — по наследному праву Детства и по кровному праву наследия: невыдуманные страницы жизни отца. Так ей была завещана Революция.
И если рассказывать о том, как маленькая тбилисская школьница всю войну самоотреченно ухаживала за ранеными в госпиталях, как еще студенткой Тбилисского политехнического института она стала секретарем горкома комсомола, с легкостью отдав неповторимость двадцатилетности треволнениям чужих судеб, — это должен быть рассказ о вечном одушевлении отцовского наследства.
Я рассказываю о Виктории Моисеевне Сирадзе, заместителе Председателя Совета Министров Грузинской ССР.
Когда идет разговор о человеке столь крупного государственного масштаба, принято анализировать сложный комплекс задач, стоящих перед данным деятелем, оттесняя его от бытовых впечатлений. Но не могу удержаться от настоятельного соблазна сообщить, как пленяет мягкая красота этой женщины, врожденное очарование и та провидческая интуитивность, которая придает ее чисто мужскому интеллекту душевную гибкость. О таких некогда воскликнул поэт: «Женщина — это идеальное будущее мужчины!»
Вспомню еще слова Роллана о том, что общество, где женщина дискриминирована, похоже на дерево, крона которого однобоко прижата к каменной стене. Думаю, что впечатление, оставляемое Викторией Сирадзе, одновременно и характеристика общества, ее создавшего. Общества с ширококрылой кроной. Оттого могу говорить о том, с чего начала. Еще до встречи с Викторией Моисеевной, знакомясь с проблемами культурного строительства Грузии, я наслышалась об этой женщине. Рассказывали, сколько сил отдала она серьезным преобразованиям в системе просвещения: введены подготовительные классы, что позволило 45 процентам негрузинского населения республики поднять уровень подготовки детей для поступления в школу, где преподавание идет на языке, каким широко не пользовались дома. (Школы Грузии работают на семи языках.)
Придите в любой грузинский театр, и вам расскажут, как Сирадзе помогала изменять облик театров, добивалась специальных ассигнований, как стала «крестной матерью» новых театров республиканской периферии. Я слышала об этом и еще о многом, что тронуто воображением и направлено государственным умом зампреда Совмина. (Хотя вовсе не надо думать, что она единственный инициатор и реализатор этих начинаний.) А о том, над чем ей предстоит трудиться, сказано в Директивах XXIV съезда КПСС. Это и ее личная программа деятельности.
Но, говоря о Сирадзе, я не старалась вести поименный список претворенных и замысленных преобразований.

ВЕТКА КРОНЫ

Галина ШЕРГОВА,
специальный
корреспондент «Кругозора»
Фото Э. Песова





Я старалась постичь то, что движет ею, человеком и государственным деятелем.
Сегодня перечитываю блокнот: «Какие качества наиболее важны для руководителя? Пожалуй, человечность, душевная теплота во взаимоотношениях с людьми — подчиненными и равными... Отклонения от наших этических норм я, разумеется, наблюдала в людях. Но мне кажется, что такие перерождения всегда логически кончались поражением тех, кто утрачивал основное, что присуще деятелям нашего государства, нашей партии...»
Ее слова. Убежденность коммуниста.
Мы говорили об этом «основном». Снова передумываю разговор. Можно все разложить по полочкам, классифицировать качества: а — принципиальность, б — посвященность делу и людям, в — взыскательность к себе, г — умение учиться у людей. Алфавит велик, да и моральный комплекс емок. В конце концов на эти пункты можно разъять рассказ или, если хотите, исповедь Сирадзе, ибо она искренна и лишена позерства. Вы услышите ее рассказ на первой звуковой странице и сами почувствуете это.
Но многомерность человеческого духа неподвластна разъятию на составляющие без неминуемого риска утратить нечто одушевляющее. Поэтому, говоря о человеке, плодотворнее отыскать единое, особо пленяющее тебя.
В ней — талант преобразователя.
Рассказ начался с отца и наследия революции. Революция — по словарям — резкий переход от одного качества к другому. Наша революция — резкое изменение качества мира, качества общества. Преобразующая сила живительного. Наследовать ей — значит вечно служить силам, преобразующим жизнь добром.
Это мне и слышится в рассказе Виктории Сирадзе.

ПАТЕНТЫ ПЯТИЛЕТКИ

3

Интервью «Кругозора»

ЭТОТ БЫСТРЫЙ НЕЙТРОН

Быстротекущий век. Давно ли, казалось, была пущена в Обнинске первая в мире атомная электростанция, детище двух институтов — Курчатовского и ФЭИ Обнинска. А теперь это уже бабушка многих атомных станций. Первая атомная превратилась в генератор кадров, в генератор идей.

Здесь, в Обнинске, родился замысел принципиально новой конструкции атомных котлов — реакторов на быстрых нейтронах в отличие от прежних тепловых.

Здесь вырос и коллектив молодых ученых, разработавших способы промышленного применения этих конструкций.

Еще строятся и совершенствуются атомные станции на тепловых нейтронах, но пятилетка уже принимает новый патент. «Обеспечить... промышленное освоение реакторов на быстрых нейтронах...» — записано в Директивах XXIV съезда КПСС.

Авторы патента — обнинские физики.

...Быстротекущий век. Молодые ученые. Тридцатилетние доктора, сорокалетние академики. Такие, как профессор, доктор наук Виктор Владимирович Орлов.

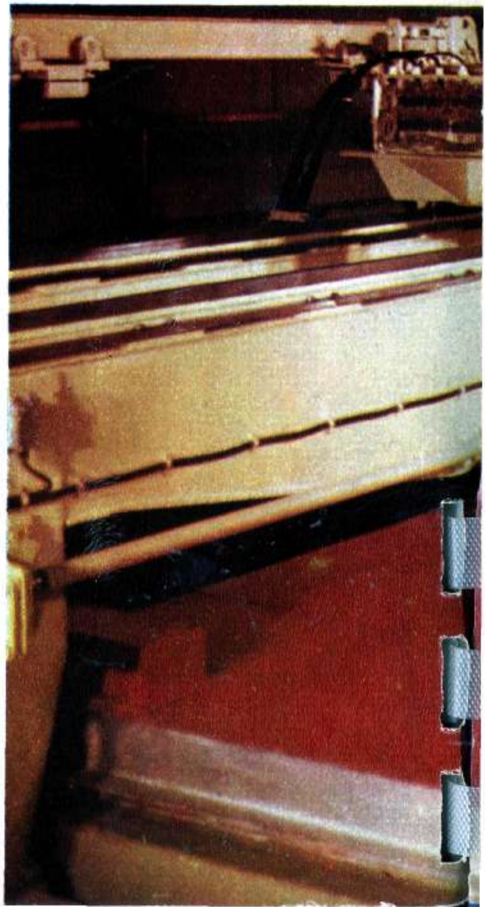
Вспоминается недавняя встреча с Виктором Орловым. Начался разговор несколько неожиданно — о песнях. Какие песни любят физики? Какую он хотел бы услышать?

— Пожалуй, трудно сказать. Но только не с перечислением киловатт, производимых на атомной станции, как это было в одной из «производственных» песен.

И пропел куплет из этой злополучной песни.

...Быстротекущий век. Быстрые нейтроны. Быстрые реакторы.





г. Обнинск. Физико-энергетический институт. Профессор В. В. Орлов. Ученые перед пультом. Впечатляющее зрелище — новый реакторный зал. Фото Л. Лазарева

— Так в чем же, Виктор Владимирович, отличие быстрого реактора от медленного?

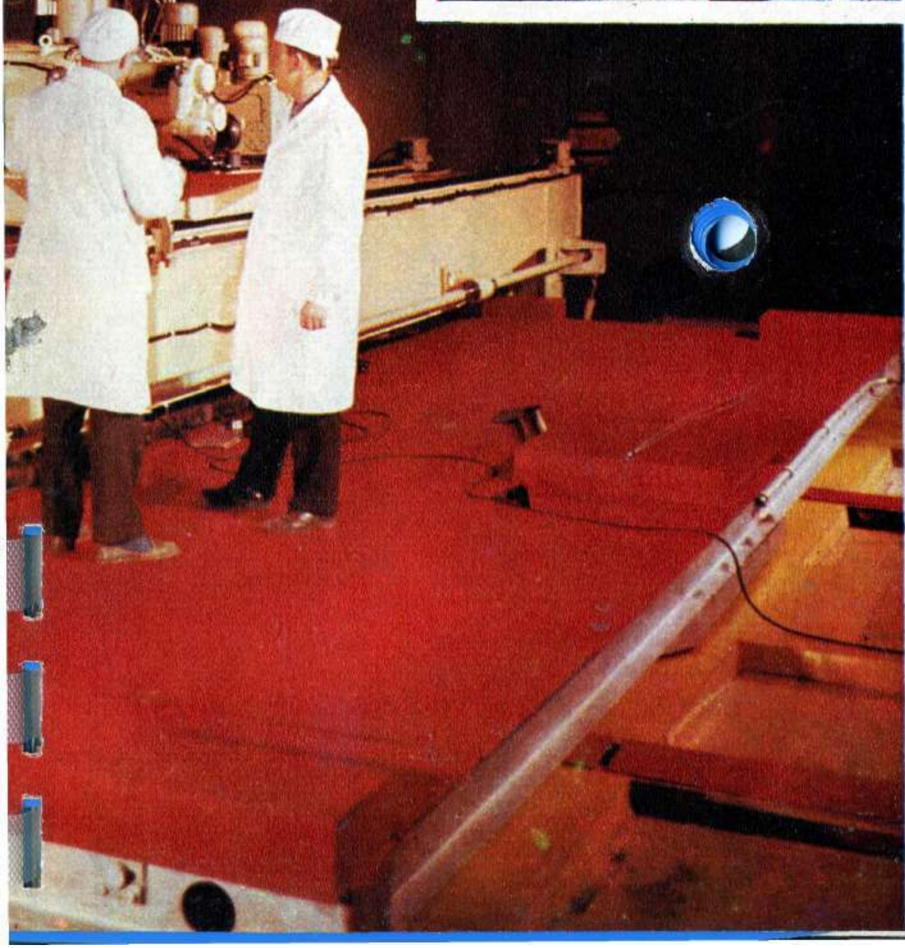
Виктор Владимирович усмехается.

— А ведь ответ — в вашем вопросе. В одном нейтроны движутся быстро, а в другом медленно.

— А какой практичнее? Выгоднее?

— Вот это уже по существу. В реакторах на медленных нейтронах используется лишь одна стосороковая часть ядерного горючего — уран-235, а основная масса топлива — уран-238 — остается в отходах. В реакторах на быстрых нейтронах используется топливо полностью. И что главное — если сжечь в быстром реакторе килограмм плутония, то из основного топлива, скажем, гранита, получится полтора килограмма горючего, а из получившихся полутора килограммов возникает два с половиной и так далее.



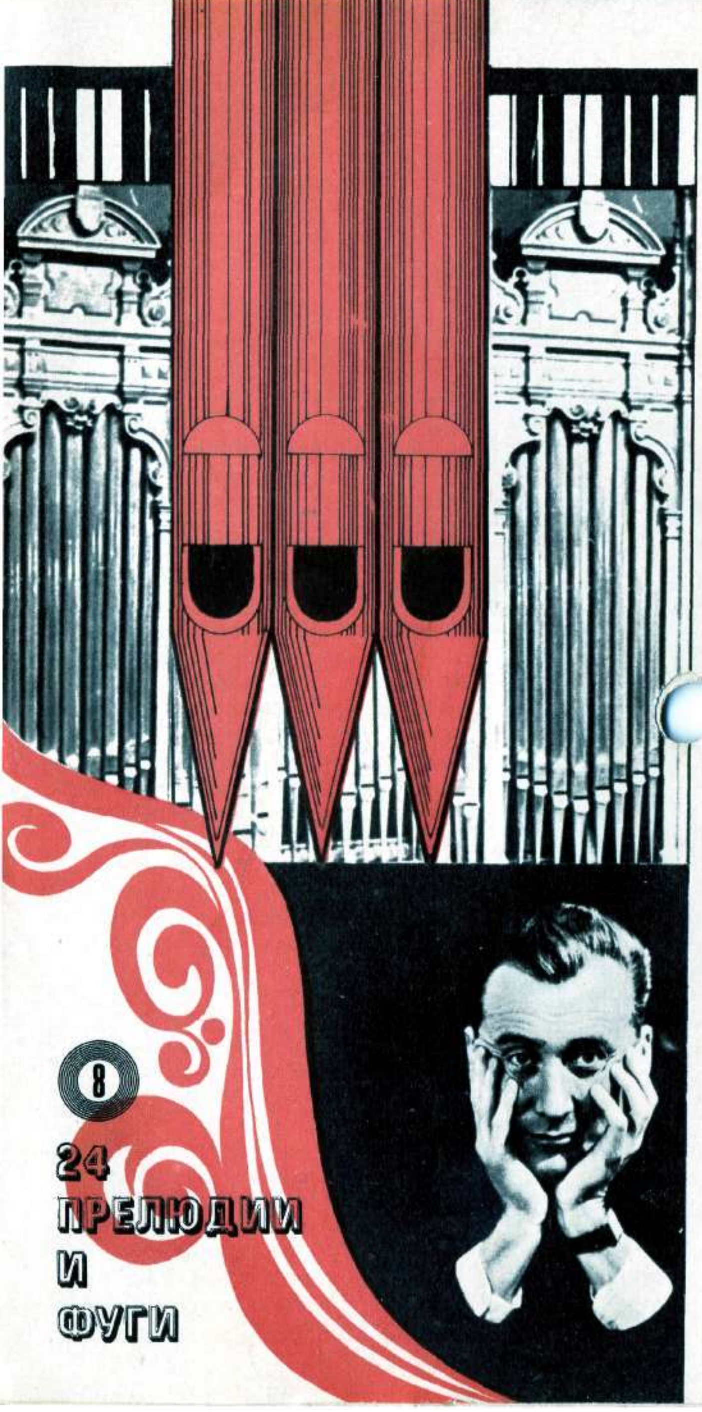


Словом, чем больше сжечь, тем больше прибавится. В быстрых реакторах топливом может служить практически все: море, горы. Урановый продукт — плутоний — нужен лишь для растопки котла.

— А почему же тогда атомная энергетика начинала именно с тепловых?

— Атомная промышленность начала свое развитие с тепловых реакторов, во-первых, потому, что в них использовался природный уран. Во-вторых, для создания быстрых реакторов надо было решить сложные физические и технические проблемы. Например, вода, которая охлаждает тепловые реакторы, здесь не годилась, требовался жидкий металл — натрий.
Более двадцати лет физики и инженеры под руководством академика Александра Ильича Лейпунского бились над этими задачами. Немало опытнейших специалистов сомневалось и в выполнимости и в целесообразности этой работы, причем аргументами в споре могли служить только точно установленные факты, опыт. Были сооружены экспериментальные быстрые реакторы, в том числе в Обнинске. В прошлом году пущен новый опытный реактор в Мелекессе. И сейчас мы уверенно переходим к созданию крупных промышленных электростанций с реакторами-размножителями. В новом пятилетии предполагается ввести в эксплуатацию АЭС на быстрых нейтронах в городе Шевченко, на Каспии. Она будет вырабатывать электроэнергию и одновременно опреснять морскую воду. Строится электростанция с быстрым реактором мощностью 600 тысяч киловатт и на Урале.

— Нет сомнений,—сказал В. Орлов,— что в ближайшем будущем атомные электростанции займут видное место в советской энергетике, а быстрые реакторы обеспечат ее развитие.



— Самое большое музыкальное впечатление моей жизни — это «Искусство фуги» Баха,— сказал корреспонденту «Кругозора» композитор Родион Щедрин.

...Концерт в Малом зале консерватории. Аншлаг. Сегодня Родион Щедрин впервые исполняет свои «Двадцать четыре прелюдии и фуги». Сочинение, над которым он работал целых восемь лет...

Причина столь долгой работы в том, что композитора увлекали и новые замыслы (за эти годы им написаны оратория «Ленин в сердце народном», опера «Не только любовь», «Озорные частушки» для симфонического оркестра, «Поэтория» для хора, солистки и чтеца-поэта, сатирическая кантата «Бюрократиада», 2-й фортепианный концерт, «Кармен-сюита»).

Щедрин экспериментировал в различных жанрах, обращаясь к народному распеву, к теплоте человеческого голоса. Итог этих многолетних исканий — фортепианные прелюдии и фуги.

Форма прелюдий и фуг возникла давно, шлифовалась веками. И можно, пожалуй, сказать, что она приобрела наиболее жесткие, канонические и долговечные черты, нежели любая другая музыкальная форма. Аналогии можно было бы с известным приближением найти и в других областях искусства (некоторые «устоявшиеся» правила художественной росписи) или в литературе (классический сонет от Петрарки до Брюсова). Столь же традиционны и принципы развития фуги — движения ее одной-единственной темы, которая, претерпевая ряд метаморфоз, излагает сложное содержание сжато и концентрированно. А это трудно, не для слушателя — для автора. Не случайно за всю историю музыки лишь несколько композиторов сумели создать циклы прелюдий и фуг, проведя их через все тональности. Только очень опытный, одаренный от природы композитор, который владеет лаконичной, строгой формой, может посягнуть на цикл фуг. Задача вдвойне и втройне усложняется тем, что Иоганн Себастьян Бах уже написал свой «Хорошо темперированный клавир» и «Искусство фуги», а двадцатый век внес свою лепту двадцатью четырьмя прелюдиями и фугами Д. Шостаковича. Менее известны двенадцать фуг «Игры тональностей» Пауля Хиндемита, но уже и к ним подбирается дотошный слушатель.

— Процесс создания фуги,— рассказывает Щедрин,— необыкновенно увлекателен. Ведь это наиболее емкая форма изложения музыкального материала. Фуга дисциплинирует автора, но и дает вместе с тем простор его фантазии. Максимум фантазии при строжайшем следовании законам формы. Музыкальный язык, конечно, в двадцатом веке свой, но законы фуги остаются неизменными.

О «результате» судили слушатели и критики. Их мнение было единодушным: интереснейшая работа!.. Кто-то из критиков назвал «Двадцать четыре прелюдии и фуги» Р. Щедрина «букетом мелодий». Но было бы вернее сказать: «Двадцать четыре момента из жизни человека» — жизни импульсивной, молодой, беспокойной и острой.

Наталья ЛАГИНА



Иван ДРАЧ

КОПИЯ ЗАПИСКИ

Дождь меня не загнал домой,—
Подобрав голубое платье,
Ожидала тебя с березками,
Хочешь верь, а хочешь не верь.
Заплела в русу косу радугу,
Я тебя не кляла нисколько.
Только капельку, так, для порядка,
Хочешь верь, а хочешь не верь.
Маме мнится, что я простудилась,—
С солнцем чай для меня готовит,
И весь день я гляжу в окно,
Хочешь верь, а хочешь не верь.
Я достала тебе Рембо.
Тато нынче принес арбузов.
К нам дорога уже просохла.
Хочешь верь...
Ну, хоть раз поверь!..

Перевел с украинского
Н. Котенко.



Хазби ДЗАБОЛОВ

ЖИЛ НЕКРАСИВЫЙ ПАРЕНЬ...

Жил некрасивый парень в нашем
селенье,
С девушками ни разу он не
промолвил слова,
Он избегал их даже и в сновиденьях:
Кто полюбит, казалось ему, такого?
Жила по соседству девушка. Каждый
раз,
На улице с ним встречаясь, она
не смела
Поднять на него в смущенье
прекрасных глаз
И — от досады, должно быть,—
всегда краснела.
К красавице сватались лучшие
женихи,
Но слышали неизменно, снова
и снова,
И были тверды слова ее, хоть тихи:
«Спасибо за честь. Простите. Люблю
другого!»
Людям казался странным такой отказ
И, разгадать не в силах ее секрета,
Делали вновь попытку — и каждый
раз
В недоуменье внимали словам
ответа...
Жил некрасивый парень в нашем
селенье.
На улице с ним встречаясь,
глаза свои
Поднять не смела красавица,
краснела в смущенье —
Может быть, от досады, может
быть, от любви?

Перевел с осетинского С. Залин.



Дмитрий ГОЛУБКОВ

ДОЖДЬ

Мгла вздыхает,
капает,
Тюкает в висок
И ростком царапает
Скаредный песок,
Мякнет и топорщится
Новою травой...
Смолкли тучи-спорщицы.
Спит малыш больной.
И вставать не хочется,
И уснуть невмочь.
Сладко одиночество.
Не пугает ночь.
Незачем придумывать
Рифму и сюжет,
Не к чему раздумывать,
Счастлив или нет.
Ночь тепла и лиственна.
Детством пахнет лес...
Отзовись мне, истина.
Времени в обрез.
Тише и прерывистей
Шепчется листва:
«Кроме справедливости»,
Праведность жива.
Живы бескорыстие,
Дождик,
детство, лес.
Вечно многолистие
Мыслей и чудес.
Частых капель бестолочь
Сыплет и затем,
Чтоб попутно пестовать
Сны,
ростки поэм...»
А дрозденок бурею
Выбит из гнезда —
Там, под елью бурою,
Он кричит: беда!
И, одевшись наскоро,
Я к птенцу бегу.
Малыша клювастого
На ладонь беру.
Мертвым притворяется,
Съежился в комок...
И — с руки срывается,
В чащу,
наутек!
Под рассветным куполом
Треск и смех дроздов:
Охмурил, мол, глупого,
Мол, малыш каков!
Я киваю: правильно!
Суд ваш справедлив!
Пялюсь в небо,
травами
Ноги перевив.
Мокрым подорожником
Блещет колея.
Хорошо, что дождиком
Был разбужен я.



Муса ГАЛИ

●

Пока высятся горы над ширью,
Вешать голову ты не спеши,
Рвись в полет, пока есть еще крылья,
Голубыми ветрами дыши.
Пока небо плывет над тобою,
Ты мечту заземлить не спеши,
Пока море шумит пред тобою,
Мелочами себя не глуши.
Пока солнце играет в сугробах,
Холодов не страшись ты ничуть.
Ночь наступит — из звезд ты попробуй
Искры высечь, чтоб светел был путь.
Грянет гром над тобой, взвоет ветер —
Бросить ношу в сердцах не решай.
Пока в силах цветок ты приметить,
День проклятием не провожай...

Перевела с башкирского
Е. Николаевская.

Рисунки А. Гамбурга

Вышло так, что на мои стихи было написано много песен. Вот о четырех из них я и хочу рассказать.
В 30-е годы пели «Конармейскую», пели, даже не вспоминая о том, кто ее написал. А появилась она так. «Правда» объявила конкурс на военно-походную песню, меня тоже попросили принять в нем участие, но стихи не получались, а мне надо было ехать в командировку. Я позвонил в «Правду»: «Стихов не будет». Но «правдисты» сказали, что я подведу газету. Я сел и с отчаяния за один присест, на одном дыхании написал:

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.

Музыку написала композитор Леви. Песня получила премию на конкурсе, но, как говорится, не пошла. Пошла другая песня, которую на те же стихи сочинили для документального фильма братья Покрасс.
Вторая песня, которую тоже написали братья Покрасс,— «То не тучи — грозовые облака».
Я был радиорепортером. Был очень нервный репортаж с горского праздника джигитов, который проходил в Пятигорске. Были осложнения, не давали эфир. И вот, вместо того чтобы принимать бром, я начал что-то сочинять. Как-то сами по себе возникли первые строчки. А потом уже в поезде я дописал: «Встретят вражескую конницу в упор наши пули и каленые клинки».
Во время Великой Отечественной войны у меня было две песенных удачи. Первая — «Песня смелых». Я написал ее в первый день войны и принес в «Правду» перед тем, как отправляться на фронт; она была напечатана 25 июня. Песня эта осталась не столько как песня, сколько как народная пословица: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Алексей СУРКОВ

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

Самая счастливая песня, которую мне довелось писать,— это «Вьется в тесной печурке огонь». Уже более 25 лет прошло, как она сочинена, и казалось бы, что с войной она должна была уйти в историю, но она живет, ее поют, она волнует людей.
Подмосковная битва. Конец ноября 41-го года. Было газетное задание побывать в девятой дивизии, которой командовал тогда полковник, а теперь генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов. В общем, мы оказались в полку, который у Истры при нас попал в окружение. День был трудный и еще более трудный вечер, когда нам пришлось из деревни, занятой немцами, уходить к своим. Жена с ребятишками в то время была в эвакуации в Чистополе. После того как мы вышли, пробились и вернулись в редакцию, я написал ей письмо. В нем было и 16 строчек стихов, вобравших в себя волнения пережитого дня.
И они так бы и остались в семейном архиве, если бы не встреча с композитором Листовым. Без особой надежды я припомнил эти 16 строчек, записал на бумажку, отдал ему. Через день или через два он пришел, попросил у Миши Савина, фоторепортера, гитару и напел нам песню о землянке. А вечером Савин взял гитару и, что называется, со слуха спел: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага».
Большинство моих песен и стихов посвящены воинским подвигам нашего народа. С ранней юности революция дала не в руки винтовку, и каждый раз, когда Родине приходилось туго, получалось так, что я оказывался среди людей, которые ее защищали. Об этом я и пишу.

«Из боя — в бой» — так называется шестая звуковая страница, на которой Алексей Сурков читает свои стихи.

О. БАРЫШЕВ,
В. ЧУРИЛКИН

СОЛДАТЫ-СЫНОВЬЯ СОЛДАТ



Старший лейтенант Григорий Малеваный положил письмо в особую папку, на которой аккуратными буквами выведено: «Юные друзья пограничников». В ней письма из Киева, Сыктывкара, Ленинграда, Перми. За окном процокали трое верховых с автоматами наперевес. Пограничный наряд уходит в дозор.
Молчит сирена. Не мигает табло «Тревога! В ружье!». На границе сегодня спокойно. А если говорить точнее: на границе спокойно в это мгновение. Весь личный состав от повара до начальника заставы всегда в готовности номер 1. Дежурный не отходит от телефонов и селекторов. А на плацу идут учения.
Пограничники — народ гостеприимный. Правда, о своей работе не очень любят говорить. Начальник заставы познакомил нас с героями одного задержания. Перед знакомством предупредил:
— Вам, журналистам, наверное, не очень интересно будет. Обычное классическое задержание. Без выстрелов. Два молодых пограничника — девятнадцатилетние парни — рассказывали мало («А что рассказывать? Ничего особенного!»): обнаружили след, дали ракету, пошли по следу, далеко впереди увидели нарушителя, тот пытался уйти, выбросив оружие (пистолет), в это время подоспела «тревожная группа», и нарушитель был задержан. На все это понадобилось пятнадцать минут. Сержант Николай Рочев и младший сержант Иван Лифарь представлены к правительственным наградам. Все как положено. Обычное классическое задержание. Обошлось без сложной техники. Не пригодилась снайперская меткость пограничников. Не пришлось использовать отработанные приемы самбо.
Подчас встречи с людьми помогают совершить путешествие длиною в несколько десятилетий. Была такая встреча и у нас. Ираида Степановна Дух («пограничная мама» — называют ее в отряде) рассказала, как служили первые советские пограничники: винтовка, горсточка патронов и одна застава на сотни километров. По тревоге вся застава поднималась в ружье. Брала в руки винтовку и Ираида Степановна — меткий ворошиловский стрелок, жена и боевая подруга пограничника Ивана Сергеевича Духа. Он погиб... Она осталась на границе. Сегодня она заботится о молодых пограничниках — сыновьях тех, кто тридцать лет назад принял на себя первый удар.
На заставе свои приметы весны. Одна из них — писем становится больше.

Пограничный округ.

Письма приходят отовсюду. Пишут не только родные и знакомые. Пишут и те, кто отслужил. Недавно. Или давным-давно. Есть письма неожиданные.

«Дорогие пограничники! Мой Дозор немного подрос и уже подает голос, когда ему покажешь сахар. Одно ухо у него плохо держится еще. Я учу его, как вы сказали. Я не передумал. Я все равно хочу быть пограничником. Когда Дозор вырастет, я привезу его вам, чтобы он помогал пограничникам хорошо охранять границу. Ваши письма мы читаем всем классом.

С горячим пионерским приветом
ученик 3-го класса «Б» Сережа Панин».

По следу. Прилетела «тревожная группа». Граница на замке. Фото авторов.





Три песни харьковского композитора Марка Карминского — на пятой звуковой странице. Песни о войне, написанные человеком, который на войне не был.

Не был. Но первая бомба, сброшенная на Харьков 21 сентября 1941 года, разорвалась в двух кварталах от дома, где жил Марк. Он видел этот взрыв: мальчик дежурил на крыше рядом с мамой, начальником группы самообороны...

В эвакуации день за днем он переписывал в сшитые из серой бумаги тетрадочки сообщения с фронтов, составлял «Хронику Великой Отечественной войны». Тысячи городов и населенных пунктов самобытный летописец сначала словно сам отдал врагу, а потом пункт за пунктом отвоевал обратно.

Музыке Марк начал учиться в детстве. В шесть лет он давал сольный концерт в музыкальной школе. Но когда семья вернулась в освобожденный Харьков и Марк, услышав по радио бетховенского «Эгмонта», сочинил свою первую мелодию — героическую, в духе Бетховена, то оказалось, что он забыл ноты и не может записать даже простенькую тему.

Однако, думал он, с музыкой кончено: обычная школа, обычные сомнения — физмат или филфак? И, наконец, факультет журналистики. Принят. Окончен первый курс. Но летом Карминский подает заявление в Харьковскую консерваторию, на композиторское отделение, показывает свои сочинения: весь год он сутками занимался музыкой. Музыка была его детством, война — его отрочеством, музыка и война слились в переживаниях юности, чтобы затем, в зрелости, перерасти в нечто более сложное, стать сердцевиной нравственного идеала.

В песнях М. Карминского, как и в творчестве многих современных композиторов, художников, поэтов, война не

С. СОЛОВЕЙЧИК

ПЕСНИ О ЛЮДЯХ В ШИНЕЛЯХ

воспоминание. Война для не бывших на войне не бой, не атака, не тяготы походного быта, а размышления о жизни и смерти во имя высокого. Оттого из множества военных стихов М. Карминский обычно выбирает такие, где есть попытка уловить миг взрыва будничной жизни. 22 июня 1941 года становится темой искусства — уже не только как историческое событие, а как предмет для философского постижения. Думать об этом дне — значит думать о готовности мирного человека к испытанию, думать о скрытых силах, таящихся в человеке. Вслушиваясь в жизнь, композитор улавливает высокие звуки войны не на войне, а в предвоенных днях. Или послевоенных. Драматическое столкновение усиливается тем, что герой М. Карминского не просто мирный человек, а самый мирный, казалось бы, вовсе не приспособленный к войне. Человек солдатского звания, но с духовным миром Павла Когана, Николая Майорова, Михаила Кульчицкого, поэт. Мальчишки прозвали бы его «очкариком». Очкарик, неловким, стеснительным движением медленно снимающий очки, чтобы посмотреть в глаза смерти. Несильный человек с непоколебимым убеждением. С ясным пониманием, за что он воюет.

Отсюда и музыкальная драматургия песни (для М. Карминского драматургия в музыке — самое важное. Он автор двух с успехом идущих опер, пишет много музыки для театра). Послушайте «Довоенный журнал» на стихи Евгения Храмова: песня начинается вальсом, но его перебивает марш... Вальс — марш, вальс — марш, мир — война, не противопоставление их, не слияние, а столкновение. Взрыв, о котором всегда должен помнить человек, помнить все испытания и в то время, когда «ни единой воронки на родимой земле, ни одной похоронки на дощатом столе...».

Мравинский долго отказывался от интервью. До последнего момента не разрешал запись репетиции, потом вдруг согласился, а перед самым началом снова взбунтовался и воспротивился. К счастью, было уже поздно. Так, 16 октября 1968 года была зафиксирована на магнитофонной пленке одна из бесчисленных репетиционных работ Е. А. Мравинского — в данном случае над Четвертой и Третьей бетховенскими симфониями.

В зал почти никого не пропускали — таков был порядок. Почтенную даму, юношу с партитурой и меня, пристроившихся на балконе филармонического зала за колоннами, следовало, по-видимому, считать исключением из правила.

Находясь наверху, я прекрасно слышал репетируемые фрагменты, но с трудом различал дирижерские реплики. И только потом, в студии, после многократного прослушивания следовавших друг за другом клочков бетховенской музыки, соединенных указаниями Мравинского, передо мной встала прелесть этой предконцертной встречи с оркестром. Что греха таить, я надеялся,

что услышу более или менее обильные комментарии, нечто вроде открытого урока в консерваторском классе, когда педагог «рассказывает» музыку, попутно расшифровывает авторские иероглифы. Ничего подобного не было. Прогонная репетиция шла в стремительном темпе. Быстро проверялись те или иные «сомнительные» места, и лишь порой, словно художник, отошедший от мольберта, чтобы посмотреть на холст со стороны, Мравинский своей палочкой-кистью наносил легкий мазок:

— Все-таки это было очень громко. Фаготы — полегче... Один такт перед цифрой первой, прошу!.. Длинные ноточки, пожалуйста...

В экономных, логичных и потому естественных жестах Мравинского, в намеренной отточенности мелких движений чувствовалась пульсация железной воли.

За пунктуальной строгостью, за некоторым внешним аскетизмом угадывался истолкователь с могучим аналитическим умом, режиссер (недаром Мравинский в беседе обронил слова «постановка симфонии»), сообщающий оркестру свою гипнотическую убежденность. Позиция же складывается заранее, во время домашнего анализа за письменным столом, в глубокой тишине. Именно здесь «выясняются отношения» с композитором, именно здесь мыслим почти спиритического свойства разговор с Моцартом или абсолютно реальный телефонный звонок Шостаковичу. Эти диалоги с авторами должны быть непременно закончены до того момента, как дирижер встанет за пульт.

...Прошла первая часть Героической с ее величественной темой, «растянутой, подобно корпусам несметной армии на равнине». И вот будто померк свет, рассеиваемый гигантскими пирамидальными люстрами филармонического зала, будто чья-то невидимая рука набросила на них черный креп — медленно, под мерные удары литавр заколыхалось траурное шествие. Тяжела его поступь. Не оплакивание героя, не слезы — суровая сдержанность — вот императив Мравинского. Ничто в темпе Траурного марша не должно быть поколеблено. Скорбь, повинующаяся неумолимому ритму, ощущается острее.

— Романтическому «шмальцу»,— говорит дирижер,— слащавому, размазанному исполнению не место здесь. Не было этого у него, не хотел он этого, не терпел... «Он» — это Бетховен.

И сдвинувшуюся было с места громоздкую колесницу оркестра осаживал костяной стук дирижерской палочки.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Фото О. Макарова

Фрагмент репетиции 2-й части Героической симфонии Бетховена — Траурного марша — слушайте на седьмой звуковой странице.

Исполнители: заслуженный коллектив республики, симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Дирижер — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Евгений Александрович Мравинский.

ДИРИЖИРУЕТ МРАВИНСКИЙ



Я вспоминаю тихую, светлую ночь, когда плыл на плоту по спокойной реке. Рыба играла у берегов, тихо вызванивал позывными «Маяк», шептались, шуршали, переговаривались сплавные бревна. И только сильный женский голос нарушал покой:

— Ми-ш-а-а... пар-ни-ч-о-о-к!

У самой воды стояла пожилая крестьянка и звала «парничка» Мишу: бросай, мол, рыбалку, иди домой, ужин на столе, да и спать пора, иди скорей, пока не попало...

Слово было незнакомое, я решил записать его, чтобы спросить потом у сведущих людей, и вдруг застыл в изумлении. Так это же мальчик! Конечно, мальчик. «Парничок» — значит маленький парень.

Когда, какой человек придумал это слово, выпустил его в мир?

Потом я понял: это было постижение Родины, какой-то крошечной ее сути — древнего родника русской речи.

Родник, родина, народ. Это слова из одной семьи, из одной колыбели. И хотя у родника не те возможности да и силы не те, он прародитель, основа всего живого. Представьте, что

ИСТОКИ

станет с рекой, если пересохнет хотя бы один родник, который питает ее? Мы потеряем что-то очень необходимое, как потеряли, забыв прекрасное слово «парничок».

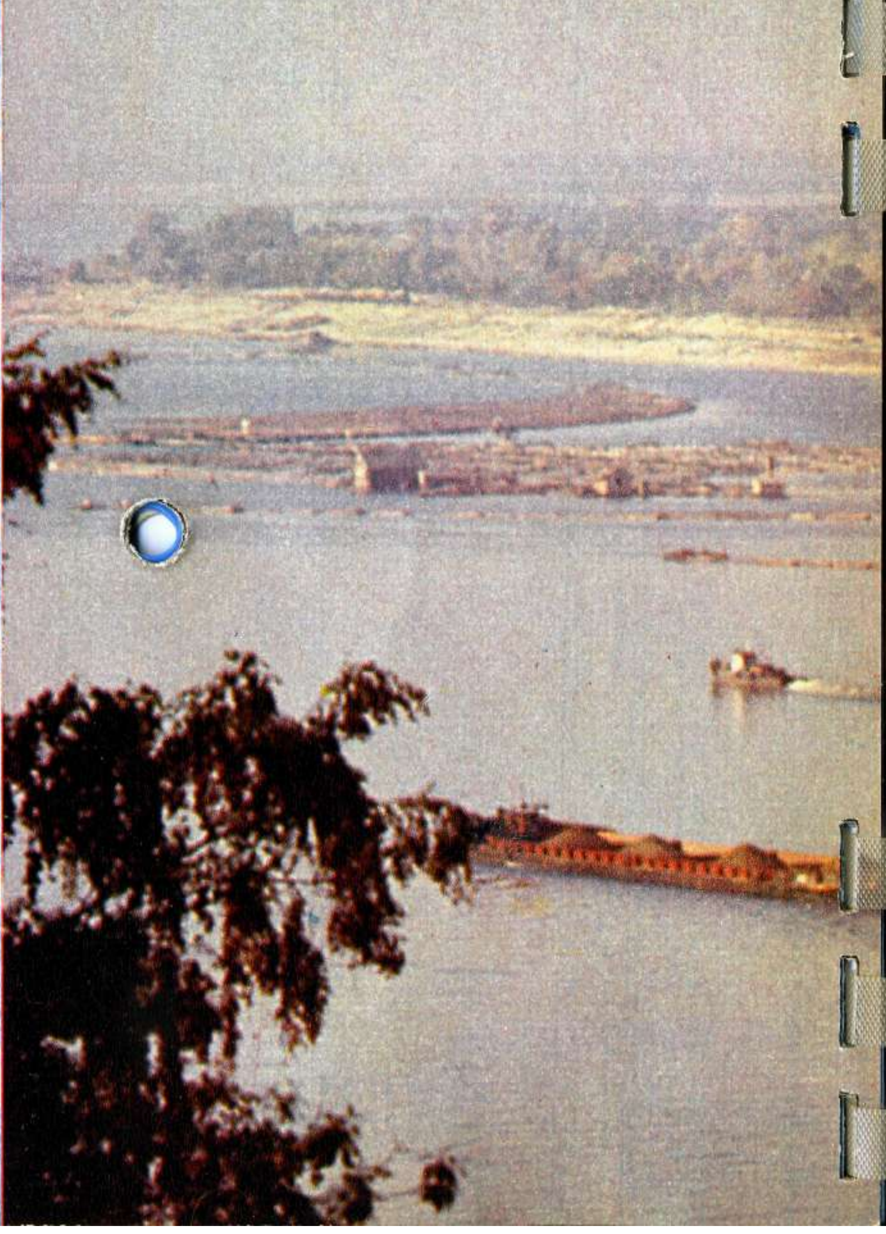
На второй звуковой странице — рассказ об одном таком русском роднике. Он ведет свою родословную глубоко из земли, из мха, из кукушкиного льна. Он течет мимо деревушки, притулившейся на косогоре. У родника и деревушки одно название — Волга.

Тихий ручей с желтым илистым дном дает жизнь великой реке. Река несет на себе баржи и теплоходы, бушует в турбинах Куйбышевской и Волгоградской ГЭС, поит и кормит приволжские города и селения. Ручей подарил Волге богатырскую стать. Тихий, узкий ручей — маленький штрих на картине, которую пишет жизнь. Уютная деревушка у ручья — точка на русской земле. Но без этого штриха, без этой точки страна бы осиротела...

Волга-родник, Волга-деревня... Маленькая родинка. Большая Родина.

Олег ЛАРИН

2 РЕКА



ВОЛГА

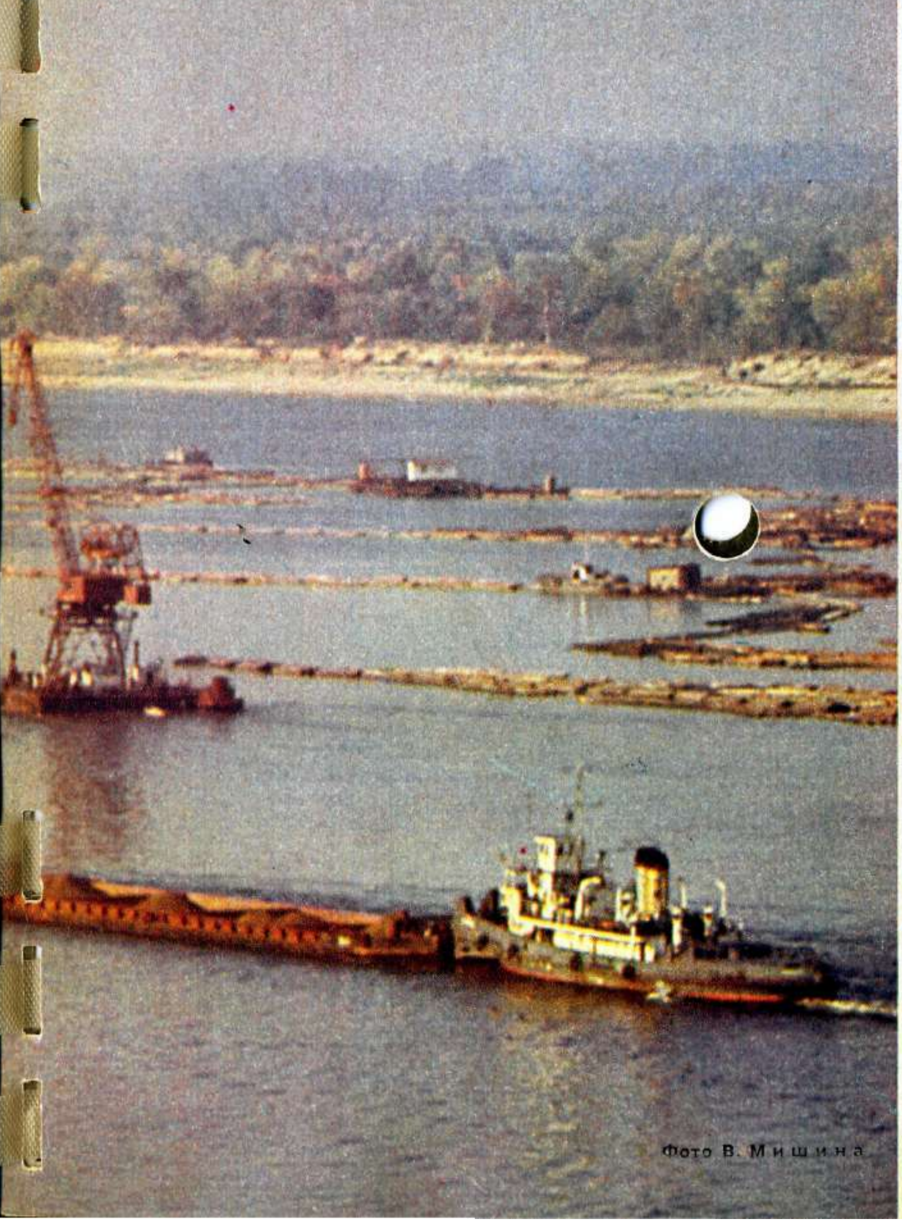


Фото В. Мишина

Вглядись в изгибы волжского русла и увидишь: не только торный путь меж севером и югом России проложила река.

Советский человек дал Волге нынешнюю, ранее неведомую ей силу. Не только многоводной стала Волга, но также рекой электрической. Десятки миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год дает теперь Волга стране. И совсем новую профессию приобрела она в наши дни. Волга стала рекой автомобильной. Герб старинного Ярославля — «медведь» — утвердился на радиаторе могучих «ЯАЗов». По всей стране ходят грузовики, обутые в ярославские шины.

Там, где сливаются воды Волги и Оки, начинали свой путь по дорогам страны всем известные «ГАЗы», полуторатонные грузовики и тезки великой реки — легковые «Волги».

А потом откроется перед вами неоглядная ширь Куйбышевского моря. Крупнейшее в мире, это водохранилище простерлось вдоль течения на 600 километров, а ширина его местами достигает сорока километров. Чем, скажите, не море?

МАГИСТРАЛЬ

А вот и белые корпуса новорожденного города — главного притока нашей автомобильной реки. Город Тольятти — родина быстрых «Жигулей». 344 тысячи легковых автомобилей выпустила советская промышленность в 1970 году — последнем в восьмой пятилетке. Миллион триста тысяч таких машин сойдет с конвейера наших автозаводов в году 1975-м. И половина из них возьмет старт здесь.

Нет, видно, придется отказаться от того, чтобы продлить наше путешествие до самого волжского устья. До той «птичьей гостиницы», какой стал Астраханский заповедник волжской дельты. Слишком богата, многообразна жизнь нынешней Волги, чтобы уместить на этих страницах даже беглый рассказ о ней. Откуда бы ни начиналось наше путешествие, мысленно каждый начинает его с Ульяновска, с города, в котором родился Ленин, человек, положивший начало переменам, изменившим мир. Ему мы обязаны и тем, что видим ныне на всем течении главной водной магистрали.

Борис ДУНАЕВСКИЙ



Родительский день

Инна
ВАРЛАМОВА

Сережа знал, что сегодня приедут отец и мать, но приятно было думать: а вдруг не приедут? Все ребята сегодня шумели и капризничали, некоторые задирались, а Танька подскочила и стукнула Сережу по голове. Но он вышел на участок и побежал к ограде, расставив руки, будто он планер, и красиво, косо упал в травку, ударившись о кочку. Сухая травинка кольнула его в веко, но он не дернулся, а продолжал лежать, чуть приподняв правую руку, будто она крыло планера.

— Сережа! — крикнула воспитательница.— Измажешь костюмчик!

Но он сделал вид, что не слышит.

И все утро он бегал один, изображая планер, и ему казалось, что он летает над самой травой, низко и плавно, и приятно было думать, что родители то ли приедут к нему, то ли нет.

Он сам не знал, чего он ждал от этого свидания. Некоторые ребята говорили, что им привезут конфеты, а Танька сказала, что ей обещали привезти игрушки, но Сережа не хотел ни конфет, ни игрушек, вообще ничего, потому что это отвлекло бы его от отца и матери. Он хотел их увести от всех, к реке или в лес, хотел им принадлежать и чтобы они ему принадлежали целиком, без остатка. А чтобы это счастье стало ярким и красным, как солнце, ему было приятно немного бояться, что они не приедут.

Наконец из-за поворота показались автобусы. Ребята закричали, запрыгали, Танька почему-то заплакала, а Сережа стоял напряженно и тихо, не замечая, что топочет на месте ногами, как будто бежит.

Некоторые дети рядом с Сережей закричали: «Во́н моя мама! Это моя мама!» И, поворачиваясь друг к другу, испуганно сообщали: «Это моя мама!» И тогда воспитательница разрешила всем, кто видит своих родителей, бежать к ним. Ребята побежали, а Сережа смотрел, когда же наконец покажутся из автобуса его мать и отец. Их все не было. Уже и двери, щелкнув, закрылись, но он ждал, надеясь на чудо, и, стараясь запастись терпением, закрыл глаза. Он долго, очень долго стоял зажмурившись, гордясь своей выдержкой, а потом, хитря, чуть-чуть приоткрыл один глаз. Но их не было и теперь. Не веря, не желая верить, он стал внимательно, неторопливо оглядывать всю толпу взрослых, осторожно переводя взгляд от одной кучки людей к другой. Когда же понял, что все-таки их нет и чуда не будет, тихо затрясся.

В это время к воспитательнице подошла женщина, крепко держа за руку Левку из шестой группы, и сказала, указывая на Сережу:

— Его мама звонила, что они поедут поездом. Можно, я пока возьму его с собой?

И воспитательница разрешила. Сережа обрадовался, что родители все же приедут, но он боялся: а вдруг его теперь не найдут? И, главное, он чувствовал: счастье его скомкано — и пожалел, что все утро, отделяясь от всех, летал по участку планером. Однако он не рассердился, а принял это, как уже привык принимать многие случавшиеся с ним несправедливости, и по дороге объяснял Левке, что его мама приедет, как другие, но только попозже, поездом, и все время оглядывался.

Родители Левки утешали его, хотя он не плакал, и дали ему абрикос, а Сережа стоял и смотрел на дорогу, стараясь радоваться, что ко всем уже приехали, а ему еще предстоит счастливое мгновение встречи. Голова у него кружилась, как утром, когда он был планером и делал виражи.

Вдруг мама Левки сказала:

— Смотри, кто идет!

Он весь встрепенулся, побледнел, но увидел не отца и не мать, а всего лишь бабушку, которая продиралась в толпе и искала его. Но Сереже захотелось спрятаться от нее, потому что он любил бабушку не в м е с т о отца и матери, а только в м е с т е с ними.

— Сережа! — вскричала бабушка.— Здравствуй, миленький,— и поцеловала его и тоже сказала, что они скоро приедут.

Она повела его по дорожке, и снова он заволновался и шел неохотно, спотыкаясь, не понимая, зачем ему портят и комкают его счастье. Бабушка что-то говорила ему, но он не слушал.

И вдруг он увидел мать и отца, которые быстро шли им навстречу.

— Сережа, Сережа, вот они! — сказала бабушка и отпустила его руку, ожидая, что он побежит. Но Сережа, наоборот, остановился и улыбнулся, сосредоточиваясь и стараясь вызвать утреннее ощущение плавного, скользящего полета. Мать, завидев его издали, кинулась бежать, расставив руки, и Сережа не выдержал, слепо рванулся вперед и помчался быстро, как ветер, чтобы по-



Рисунок А. Брусиловского

скорей уткнуться лбом в ее живот и обхватить ее ноги. Сережа не любил суматохи, не любил шума, общих путаных разговоров, суеты, а любил углубленность, сосредоточенность и даже с отцом и матерью предпочитал общаться по отдельности. А тут их было трое взрослых, и ему все время казалось, что они слишком много разговаривают между собой, поверх его головы. Мать, как всегда, поняла его, сказала, что лучше пойти куда-нибудь подальше, в лес или в поле, и пошла с Сережей вперед, и теперь ему стало хорошо, потому что мать была рядом, с ним. А сзади, близко, шли отец и бабушка, к которым он относился благосклонно, когда они никого не заменяли, а были каждый на своем месте.

— А здесь есть Москва-река,— сообщил Сережа.

— Да? Откуда же? — усомнилась мама.

Сережа зашагал вперед, припоминая дорогу, по которой их водила к реке воспитательница, но, хотя не раз колебался, куда повернуть на развилке, старался не показать и вида. Его вело вдохновение. Вскоре отец увидел с горы сверкающую на солнце излучину.

— А ребенок был прав! — воскликнул он.— Поди сюда, Сережа!

Отец посадил его к себе на плечо, и Сережа увидел, как блестит вдали река, точно крыло планера.

— Я же знал,— сказал Сережа, радуясь, что не сбился с пути.— Я вас правильно вел. Это Москва-река!

— Ах ты наш поводырь,— ласково сказала мама.

Мать всегда удивительно умела находить слова. «Поводырь»,— стараясь запомнить, повторил про себя Сережа.— Я у них «поводырь».

Он хотел спуститься к реке, но бабушка сказала, что это только кажется, что она близко, и взглянула на часы. И с этой минуты все стали часто поглядывать на часы, и прогулка омрачилась. Пока шли вперед, Сереже казалось, что счастье его бесконечно, а когда повернули, он уже не мог отвлечься от мысли, что все лишь обман и насмешка. По-прежнему весело пекло солнце, убегал и возвращался по травам ветер, звенела пшеница, но взрослые начали притворяться, а Сережа видел это и страдал. Они шли медленно, притворяясь, что нет нужды торопиться, и говорили громко, притворяясь, что не помнят о предстоящей разлуке... И Сережа ничего не сказал им о том, что чувствовал, потому что знал, как всесильно притворство взрослых и как немыслимо сопротивление тому, что они считают необходимым.

Чем ближе к усадьбе детского сада, тем чаще попадались расположившиеся под деревьями родители и дети. Иные играли в мяч, иные ели ягоды, и Сережа ревниво смотрел, как истрачивают время счастья другие, но то, что было у него, показалось ему лучше, и он загордился.

Бабушка, еще раз взглянув на часы, сказала:

— У нас есть двадцать минут, свернем сюда, в лес...

— Да, я покажу вам кресло Берендея,— обрадовался Сережа.— Здесь есть пять берез, они растут из одного корня, называется Берендей, пойдемте! —

Он мог бы сказать, что будет у них поводырем, но постеснялся выговорить это слово. Слово было мельче того желания их вести за собой, которое он чувствовал в себе. Даже это прекрасное слово, произнесенное вслух, убило бы часть его гордости и вдохновения, а он не хотел жертвовать и частью.

Сережа понимал, что взрослые нервничают, и торопился. Он почти бежал, кресло Берендея было где-то здесь, он смотрел очень внимательно, и все-таки они проскочили мимо.

— Скоро твое кресло, Сергей? — спросил отец.

— Сейчас, сейчас, оно здесь, я знаю! — в смятении отвечал Сережа и бежал вперед, теперь уже окончательно поняв, что они пропустили кресло.

— Сережа, бог с ним, с Берендеем, в другой раз покажешь,— сказала бабушка, но он знал, что другого раза не будет, и помчался, теперь уже со всех ног, не ища Берендея и все дальше отрываясь от родителей. Его, конечно, догонят, схватят, заставят покориться, но его гнало желание хотя бы немного продлить ощущение ускользающей свободы.

Мать звала: «Сережа, Сереженька, погоди!» И в ее голосе, который она тщетно пыталась окрасить беспечностью, он уловил боль. Тогда он остановился и сам пошел ей навстречу, не дав по крайней мере насильно себя схватить.

— Я просто так бежал,— дрожащим голосом сказал Сережа.— Честное слово, я просто так бежал!

Вот уже и он притворялся, как взрослые.

Потом они подошли к калитке, где уже строили ребят в пары. Он встал рядом с Танькой, которая несла в целлофановом пакете яркие кегли, дал себя поцеловать всем по очереди и вошел в калитку, не оглядываясь.

...Бережно относясь
к первоисточнику,
Не искажать его ни в коем случае,
Лишь музыкальным, самобытным
почерком
Привнести в него все самое лучшее.
И через модное звучание гитарное,
Как это ни удивительно,
Можно прекрасной песней старою
Поговорить с новым зрителем.

Это отрывок из стихотворения Валерия Яшкина, лирника и органиста,

ЗНАКОМСТВА

ПЕСНЯРЫ



Добрый вечер! Вам не кажется, что он сегодня какой-то особенный? Качество атмосферы, если так можно выразиться, свойство самого воздуха таковы, что, думается мне, мы можем себе позволить что-нибудь эдакое... Ну, я не знаю... вплоть до танцев! И даже, если быть откровенным до конца, не те пуританские танцы я имею в виду, которые танцует наша нынешняя, не в меру сдержанная молодежь: друг от дружки не ближе метра, каждый сосредоточен на своих собственных подергиваниях, трясениях, сучениях ножками и кивках...

КАБАЧОК

под летними звездами

Нет! Я говорю о танцах в том старом, полузабытом смысле, когда наши мужественные папы, крепко и нежно обняв наших женственных мам, с колотьем в груди отдавали себя воле пружинистого танго... Боже мой!.. Неужели этого больше никогда не будет?.. Нет, это будет. И будет сегодня. В этот необыкновенный летний вечер. Вам, конечно, трудно себе представить, какие горы мне пришлось сдвинуть для того, чтобы обеспечить нынешний «Кабачок» именно той музыкой, которая бы полностью соответствовала нашему настроению. Впрочем, к чему слова? Откройте девятую и десятую звучащие страницы, и вы убедитесь не только в стараниях, но и в несомненном постоянстве, которое испытывает к вам

Зиновий ГЕРДТ

СВИДАНИЕ С ТАНГО

Л. БУРОВА, М. НАТАЛИЧ

9

Новое — это хорошо забытое старое.
Разбирая почту музыкального отдела редакции, мы невольно обратили внимание на то, что очень многие читатели просят поместить в журнале модный когда-то, а теперь полузабытый танец.
Эти письма и привели нас к композитору, популярному в 30-е годы.
Имя композитора Оскара Строка вряд ли известно многим. Но почти у каждого на памяти одна из его ме-



одного из создателей ансамбля «Песняры». Стихи эти не звучат с эстрады; их прочитали мне, когда я поинтересовалась, почему «Песняры», перебрав множество самых разных песен, остановились на народных.

— Мы работали в разных ансамблях Минской филармонии, затем объединились,— рассказывает руководитель коллектива Владимир Мулявин.— У всех специальное образование: все закончили музыкальные училища, некоторые — консерваторию. Все музыканты с вокальными данными.

Хочется сказать еще о том, что наш ансамбль единственный, в котором играют на дудочке, цимбалах и на национальном белорусском инструменте — лире.

Начали «Песняры» с современных эстрадных песен, метались, искали. Не хотели затеряться среди множества уже существующих вокальных групп. И вот нашли свое: ансамбль исполняет фольклорные песни, героические, военные — словом, песни «старших поколений», но в современной обработке.

Хорошая песня не стареет. «Песнярам» аплодируют и старики и молодежь.

В октябре 1970 года на IV Всесоюзном конкурсе артистов эстрады «Песняры» стали лауреатами.

Своей быстрой популярностью они обязаны в первую очередь старинным, певучим белорусским песням «Ой, рано на Ивана», «Чаму ж мне не петь», «Купаленка», «В поле верба».

«Песняры». Восемь парней в национальных костюмах: Владислав Мисевич (саксофон и флейта), Леонид Тышко (бас-гитара), Александр Демешко (ударник), Валерий Яшкин (орган и лира), Валерий Бадьяров (скрипка), Леонид Барткевич (гитара), Валерий Мулявин (труба), Владимир Мулявин (соло-гитара).

Татьяна ИЛАРИОНОВА

Фото Н. Гнисюка

лодий. Среди исполнителей произведений композитора Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов...

Строк живет в Риге, в доме старой постройки. Из темной прихожей попадаешь в неожиданно розовую комнату с высоким потолком. На стенах — фотографии. В центре комнаты — рояль.

Говорить со Строком легко и увлекательно. Много может рассказать человек, за плечами у которого уже семьдесят. Он закончил консерваторию в Петрограде. Концертировал как пианист, руководил оркестром, писал музыку. В его авторском списке более трехсот произведений. Но жанр один.

— Хотите послушать?

Одна знакомая мелодия сменяет другую: «О, эти черные глаза», «Скажите, почему», «Лунная рапсодия», «Ты все грустишь», «В старом саду», «Не покидай»...

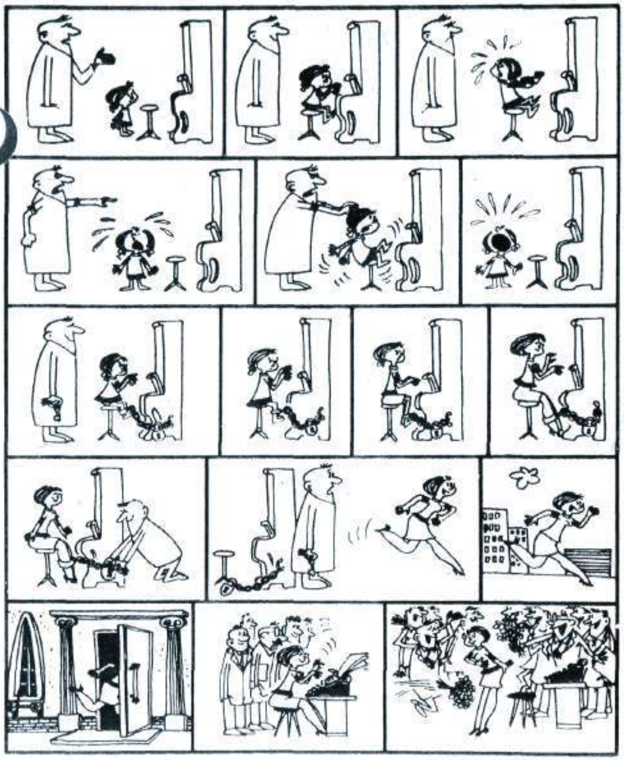
Звучит танго.

Рига





На фото: композитор Оскар Строк и исполнители его произведений Юрий Гуляев и Ёити Сугавара.



Рисунки Е. Шабельника

слушайте в номере

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

кругозор

6 (87) июнь 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице обложки: рисунок заслуженного деятеля искусств, лауреата Государственной премии имени Репина Т. И. Зубковой.

Режиссер Н. П. Субботин
Художник А. Я. Гамбург
Технический редактор Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, И-427, ул. академика Королева, 12.
Телефоны редакции: 181-79-53, 181-79-48.
Сдано в набор 29/IV 1971 г.
Б 05634.
Подп. к печ. 19/V 1971 г.
Формат бум. 60 × 84 1/16.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 1299. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Анатолий ПАПАНОВ

АКТЕР

Я считаю, что драматический артист раньше тридцати лет не начинается. Чтобы иметь право что-то сказать, артист должен быть загружен жизненным опытом, значит, и обладать собственным видением, а не пробалтывать текст с глубокомысленным видом — во что никто уже не верит. А когда выходит актер с биографией, это сразу подкупает.
Сегодняшний герой в драматургии и кинодраматургии не может быть таким, как в 30—40-е годы. Жизнь современная впитала в себя столько событий, столько информации, наука настолько двинулась вперед, что и искусство сделалось более тонким и более емким. Поэтому и герой должен быть разногранным, тонким по восприятию и по своей отдаче. Раньше для характеристики образа на первый план выдвигался чисто внешний рисунок. Очаровательная улыбка, могучий разворот плеч определяли так называемую героическую фактуру. Мне вспоминается клуб офицеров в Ростове-на-Дону, где я увидел бюст трижды Героя Советского Союза Кожедуба. Я был поражен: грудь молотобойца, волевой подбородок, взгляд орла. Буквально через неделю я встретил Кожедуба и познакомился с ним. Это умный человек, очень лиричный по натуре, любящий песни, стихи, очень какой-то домашний. Мне показалось, что он способен разволноваться, увидев первый распустившийся цветок. Ничего «внешнегероического» в нем нет. Но это Кожедуб!
Очевидно, в человеке важен его характер героический, его мысли героические, его влюбленность и самоотдача в профессии, его влюбленность в Родину.
Сейчас герой — мыслящий человек. Сейчас дела не решают сила и экстерьер.
Актер начинается, по-моему, с умения отойти от себя, вникнуть в характер, внутренне перевоплотиться в героя, принять его образ мышления, его оценку тех или иных событий. Актерская профессия, актерская мысль очень двинулись вперед. Очень глубок, например, Смоктуновский. Если он говорит «здравствуйте», то под этим «здравствуйте» можно почувствовать, что вчера он целую ночь не спал, думал над чем-то, мучился, страдал. Смоктуновский несет в себе целые пласты. А другой, к примеру, выходя в шекспировском спектакле, произносит «здравствуйте» с такой интонацией, словно говорит с женой.
Когда актер изо дня в день, из картины в картину повторяет себя, он теряет свою квалификацию. Если актеру нечем приблизить к себе зрительный зал, если он не может сказать ничего нового, он становится пресным. А ведь зритель и актер — это как бы соавторы спектакля. Недаром одна французская актриса го-









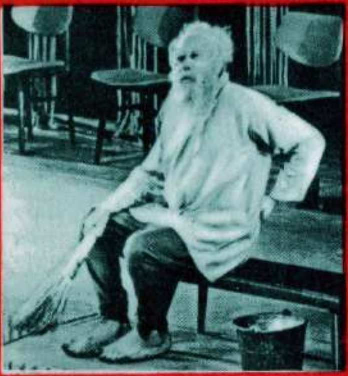








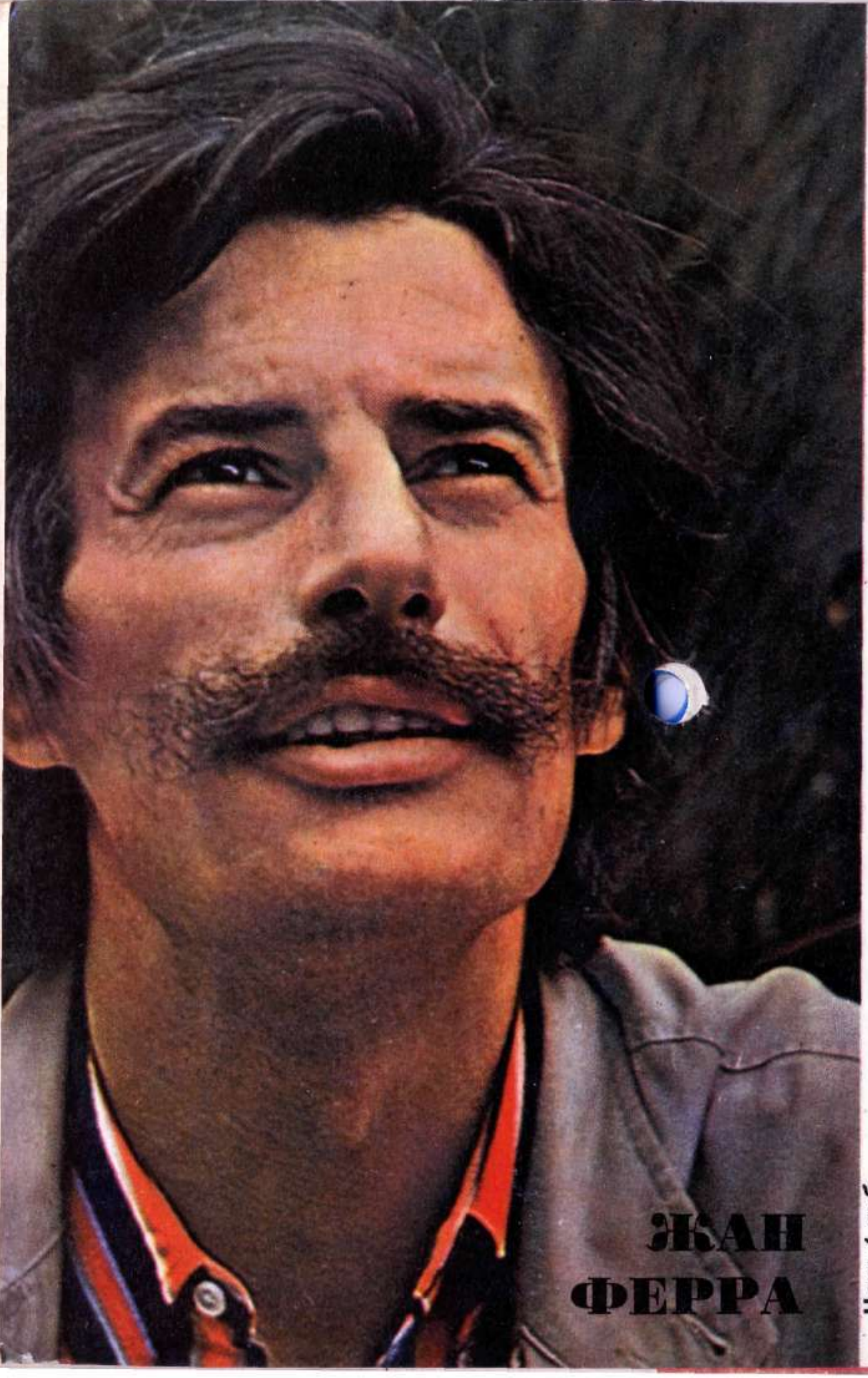
Фото
И. Гневашева,
Н. Ткаченко,
А. Фурманова

ворила: «Вы знаете, сегодня не очень талантливый зрительный зал».
Спокойно я могу выйти на сцену, когда моя фантазия исчерпана. Все, что я придумал, испробовано, почти все выверено — так бывает приблизительно к двадцать пятому спектаклю. И то, если я выхожу на этом двадцать пятом спектакле и пульс у меня не сто двадцать, значит, дело плохо. Обычно ты еще не вышел на сцену, а у тебя уже испарина. А артисты с большой отдачей... они меняют по три рубашки за спектакль. Когда мы говорим о какой-нибудь роли, я могу спросить у актера: «Сколько вы рубашек меняете за спектакль?» «Две-три рубашки». «Ну, тогда я знаю, как вы играете роль...»
Актер, как правило, должен быть немножко неврастеником, это — мое глубокое убеждение. Он моментально должен заплакать, моментально войти в состояние своего героя. Это дает и ежедневный тренаж. Актеры театра все время в тренаже, в поиске, все время работает фантазия, иначе на репетиции нечего делать. Мне кажется, что в силу этих причин все самые значительные роли в кино сделали именно актеры театра.
Я за правду в искусстве, то есть за разные характеры, за углубленный психологический мир, за броскую, яркую форму. Я за эмоциональное искусство: через эмоции к разуму, а не от разума к эмоциям. Это более убедительно. Поэтому я

И ЗРИТЕЛЬ

и люблю актеров переживания, перевоплощения. Такие актеры, как Щукин, Хмелев, Михоэлс, владели искусством перевоплощения в совершенстве.
Я за искусство, глубокое по мысли. Мы приходим в театр или кино, чтобы чему-нибудь научиться, или что-нибудь в себе подчеркнуть, или что-нибудь найти для мысли, напитать свой черепной аппарат. Но я и за такие спектакли, на которых зритель мог бы смеяться легко, отдыхая. Это как пойти в гости, в дом, где любят и понимают юмор, где ты и сам становишься веселым, забывая о своих заботах. На мой взгляд, очень удачными спектаклями такого плана были у нас в театре Сатиры обозрения «Москва с точки зрения», «А не хулиган ли вы, гражданин?». Они живо откликались на события дня, и зритель принимал их очень хорошо. Последним таким обозрением был «Гурий Львович Синичкин». Хотя в целом спектакль немного и устарел, я люблю его, свою роль в нем. Мне хотелось бы показать ее читателям и слушателям «Кругозора»...

А. Папанов в сценах из спектаклей и фильмов: «Белорусский вокзал», «Наш дом», «Дамоклов меч», «Гурий Львович Синичкин», «Солдатами не рождаются», «У времени в плену», «Последний парад». Перед спектаклем.



ЖАН ФЕРРА

Цена 1 руб.

Франция

Возвращение шансонье — особая парижская традиция. Это новая встреча с любимым артистом, новая программа, новые песни. Возвращение шансонье — это повод для воспоминаний, сравнений, споров и открытий, потому что французам, для которых песня — насущная необходимость, отнюдь не безразлично, что и как будет петь артист в новом сезоне.

Жан Ферра знаком читателям «Кругозора» по песне о броненосце «Потемкин». Сегодня Жан Ферра возвращается к нам с тремя песнями. Они написаны в разные годы, на разные темы, но даже эти три песни могут стать предметом разговора о творческой манере Жана Ферра. Первая — песня-эпиграф, песня-кредо: «Я пою не для того, чтобы убить время». В ней есть такие слова: «Вам не нравится, как я описываю действительность? Возможно... Если я иногда преувеличиваю — не взыщите... Мне не в чем извиняться. Мир врывается в мое окно со всеми радостями и печалями, и я обязан петь о том, что вижу вокруг, ведь я пою не для того, чтобы убить время!» Вторая песня написана этой весной. Песня о столетии Парижской коммуны, о поэтах-коммунарах Эжене Потье (авторе бессмертного «Интернационала») и Жане Батисте Клемане. «Прошло 100 лет с тех пор, как народ Парижа провозгласил Коммуну и на баррикадах защищал ее светлые идеи. Прошло 100 лет с тех пор, как коммунары пели и слушали песни Потье и Клемана. Прошло 100 лет. Но и сегодня мы помним подвиг коммунаров и поем песни Потье и Клемана...» Третья песня — одна из самых ранних песен Жана Ферра — радостная песня о дружбе и единении людей, уверенно идущих вперед. Она называется коротко и ясно: «Ура!»

Бурный 20-й век, переполненный событиями, дает Ферра множество тем для песен. Однако, для того чтобы творить, ему необходимо уединение, и Ферра находит его в деревне, куда ежегодно исчезает из Парижа с женой (Кристин Сэвр, известной исполнительницей песен) и дочерью. Это «возвращение к земле», когда Ферра ухаживает за своим садом, бродит по горам, следит за полетом ласточек, беседует с местными крестьянами, становится «возвращением к творчеству». «Париж — это хорошо... для отдыха! Но я не могу писать песни в отеле или в автомобиле. Вечная спешка большого города нервирует меня. Мне необходимы два месяца отдыха, чтобы создать что-либо...»

Десять — двенадцать новых песен, которые Жан Ферра пишет к весне,— это у него и называется «отдыхом».

Е. ТАРХАНОВА